

Джон Френч

Какие грезы спят в железе, что пробудили люди валоповоротным механизмом?

Из Выступления Кузнеца, произнесенного в «Покаянных Циклах Терры»

- В машинах есть призраки. – Заговорив, Главиус-4-Ро поднял взгляд от зеркальной поверхности клинка у себя в руках.

Бывшая Сестра Битвы сидела на полу армиума, ноги скрещены, вместо брони – серая рубаха из мешковины. Она оставалась в такой позе с тех пор, как принесла ему меч. Он был поврежден, кромка выщерблена, от перекрестья отколот зубец. Главиус-4-Ро принял у нее клинок и приступил к ремонту, едва она показала его. Он не скорбел об уроне, нанесенном клинку – некоторые вещи создавались ради того, чтобы им причиняли урон.

- Призраки? – наконец, спросила Северита. – В машинах есть духи – разве не так утверждают ваши жрецы?

Он почувствовал, как вздрогнули сервоприводы у него в корпусе, когда на рабочем столе зажглось плазменное пламя. Частичка его задалась вопросом, поступил ли он разумно, начав разговор. Как-никак, он был магосом, верховным стражем истин и мистерий святого Машинного бога...

Нет... не был. Фактически это было неверно. Он потерпел неудачу. Он лишился машин и знаний, вверенных ему на попечение. Он был заключенным, в серой мантии вместо прежней, красной. Без ранга, вместо прежнего, наивысшего. Ныне он служил инквизитору Ковенанту – в этом заключалась его функция.

Он снова посмотрел на Севериту. Как и он, она была изгнанницей из своего рода. Она была воительницей Адепта Сороритас, однако какой-то проступок заставил ее покинуть орден, служение Ковенанту заменило узы с сестрами. Северита нравилась ему, и у нее вошло в привычку разговаривать с ним. Она задавала ему вопросы, вопросы не о функционировании предметов, но о нем самом, о том, что он пережил, о том, во что он верил. Главиус-4-Ро не понимал причины. Нелогичная часть его разума полагала, что она пытается найти ему оправдание.

Техножрец на пятнадцать секунд сосредоточился на мече, серворуки крепко стиснули его, когда он погрузил лезвие в плазменное пламя на рабочем столе. Синий огонь облизнул кромку и заискрился на отполированной до зеркального блеска поверхности. Луч погас, и он поднял меч, давая ему остыть.

Северита все еще смотрела на него, голова склонена в ожидании ответа на вопрос.

Главиус-4-Ро подобрал правильный, по его мнению, способ разъяснения.

- В каждой машине есть дух. Это – факт и истина. Я говорю не о духах. Я говорю о призраках.

Морщины вокруг глаз Севериты углубились. Главиус-4-Ро повернулся назад к мечу и сфокусировал плазменное пламя в узкий нож из огня.

- Призраков не бывает, - сказала Северита. - Демоны - да, но не призраки.

- Ты уверена, что желаешь понять, о чем я веду речь? - спросил он, глядя на клинок, который начал мерцать от жара.

- Мне бы хотелось узнать ответ.

Он почувствовал, как уходят секунды, и в груди щелкают механизмы.

- Как прикажешь, - сказал он, и начал говорить.

На 401-й день вознесения в ряды магосов меня отправили пробуждать машину в подземном мире Жао-Аркада.

Не все из тех, кто служит машине, создаются пред взором ее великих кузниц. Я был одним из них. Мое биологическое естество начало свой жизненный цикл на Митре. Я происхожу из технокланов второй конурбации. Я не помню своих точных биологических родителей. Первый уровень ментальной аугментации стер эти воспоминания, когда мне было четырнадцать лет. Я не скучаю по ним. Я не помню, о ком именно скучать. Я пережил ранние годы неаугментированной жизни. Я проявил склонность к сборке механизмов и логическому мышлению. У меня сохранились остаточные воспоминания о том времени: ментальный образ капли крови на пальцах, геометрические блоки из бронзового сплава, выпадающие из тех рук, крики предостережения, сполох электрохлыста. Иногда я слышу крики. Я не знаю, кому они принадлежат.

Представители жречества уже поместили меня как потенциального кандидата на вступление в их ряды. Меня ввели в ордена ремесленников. Я освоил базовые уровни священных процессов технического обслуживания и конструирования. Я проявил способность к безошибочному воспроизведению и запоминанию. Я был благословлен заменой своих рук на машинные творения.

Спустя 21,233 год Омниссия принял меня в свое лоно. Моими спонсорами стали Регуляторы Демиистечения, санкционированная ветвь, что занималась вопросами передачи электроэнергии и параметров полей. Были другие секты и ветви, которые поместили меня в свои ряды. Высокочастотные устройства, тем не менее, высчитали, что мои характеристики принесут наибольшую пользу Регуляторам Демиистечения. Если у меня были какие-либо предпочтения на пути к жречеству, то они более не хранятся у меня в памяти - это было и остается неважным. Я поднимался по иерархической лестнице савантов истечения. Моя телесная и ментальная структура подвергались дальнейшей аугментации. К моменту возведения в ранг магоса мое физическое естество на 43,56% состояло из машины. Мои мыслительные процессы функционировали в диапазоне чистоты между 35,45% и 37,23%. Лицом мне служила цельная маска аспиранта, нервные окончания под кожей были отсечены, а ненужные мускулы - парализованы. Руки и предплечья были пласталью и черным углеродом. Основные органы тоже заменили, хотя тело по-прежнему состояло из крови и костей. Я помню, что все еще приспособлялся к биению своего нового сердца, когда отправился на Жао-Аркад.

Жао-Аркад стал первым истинным миром-кузницей, который я узрел воочию, и он отличался от любых моих ожиданий. Ты можешь счесть это преходящим, однако священных миров Омниссии совсем немного - наша империя существует подле Империиума и переплетена с ним, и мое обучение проходило в жреческих анклавах на Митре, Глауконе и в пустотных кузницах Жеддева. Жао-Аркад не был миром-анклавом - это был мир, телом и душой отданный железу, горнилу и валу, песне благословенного электротока. Но душа эта скрывалась под покровом

лесов. Чудо и парадокс одновременно.

Выбросы машин становились облаками, а дожди, проливавшиеся на лиственный полог, были насыщены радиацией и минералами. Хищная фауна процветала среди равно смертоносной флоры. Основные комплексы кузниц-храмов были погребены под землей, соединенные между собою туннелями и изолированные от жизни на поверхности. В тех подземных царствах машинные храмы и кузнечные районы тянулись до самых каменных стен. Шпили инфоцерквей и дымовые трубы вздымались до скальных потолков, а грохот кузнечных молотов сливался с треском статики, перескакивавшей от стены к стене, от шпиля к шпилю. Видеть, слышать, почувствовать это было одним из наиболее священных моих опытов.

Тот момент продлился недолго.

Я думал, что буду инсталлирован в один из электрохрамов – благословенный поток плазмы и ритуалы реактора являлись моим призванием с тех самых пор, как я вознесся до шестеренки. Однако я обнаружил, что меня перевели в некий обособленный центр на южном континенте. Никто не мог предоставить мне конкретную информацию касательно задач, что я буду там выполнять, или даже название этого центра. Мне предстояло отправиться туда по воздуху, отбыв из замаскированной площадки в кратере над кузнечным комплексом.

Когда я появился на площадке, челнок уже ждал. На нем отсутствовали какие-либо обозначения. Это было аномалией – все с момента моего прибытия было проштамповано, а также обладало кодом и функцией. Он взлетел, едва я поднялся на борт. Вместе со мной находилось двое других. Первый был мужчиной преимущественно биологической комплектации, одетый как член Коллегии Титаника, однако без символов легиона или звания. Еще у него не было никаких ноосферных данных. Он не присутствовал. Как призрак. Он поприветствовал меня беглым жестом, но дальнейшей информации не предоставил.

- Какой твой присвоенный персональный идентификатор? – спросил я.

- Завиус, - ответил тот.

- А твое присвоенное звание и положение в организационной структуре?

Он не ответил. Даже отрицательно.

<Он не ответит более ни на один другой вопрос,> связалась со мной вторая персона в челноке. Ее звали Ишта-1-Гамма. Когда я прибыл, она официально поприветствовала меня и провела полный обмен данными. Она была герметриссой – инициатом в высшие мистерии передачи данных, невральное соединения и интерфейсов связи. Если информация служит для машины тем же самым, что кровь для биологических организмов, тогда она являлась для машины тем же, что доктор-гематолог для живого существа. Ее служебные одеяния были оранжевыми и вытканными из углеродной нити. Ее ноосферная аура была многосферной, расцвеченной и структурированной гимнами верности данным. Ее передача информации была безукоризненной на 99,999%. Признаюсь, я был впечатлен.

<Он походит на члена Коллегии Титаника,> ответил я. Мимо иллюминаторов челнока волочились серо-голубые облака.

<Он принцепс,> послала Ишта-1-Гамма. Наверное, задержка с ответом соотнеслась у нее с вопросом, поскольку она продолжила. <Он имеет разъемы мысленного интерфейса и невральную аугментацию, которые даруют лишь обладателям такого звания и положения. Он отказался принять любые мои приветствия во всех доступных форматах. Поправка – его каналы

данных закрыты, и он игнорирует аудиоприветствия. Странно.>

<Странно?>

<Странно. Необычно или удивительно. Сложно для понимания или объяснения.>

<Приношу извинения – мне понятен смысл слова. Я не прослеживаю цепь твоих рассуждений.>

Аура данных Ишты-1-Гаммы зарябила наборами символов, что обозначали веселье на нескольких языковых системах.

<Это было не столько умозаключение, сколько начало второстепенного общения,> послала она.

<Ах.>

Я на несколько секунд умолк, обрабатывая информацию.

Челнок теперь уже мчался к южным континентам, петляя между столбами грозowych туч. Его двигатели пели на оптимальной мощности. В вибрации корпуса я ощущал удовлетворение его духа. В иллюминаторы я видел сточные реки, текущие из кузничных комплексов – радуга красных, синих и оранжевых цветов, пропитывавшая зеленые земли.

<Это странно...> передал я Иште-1-Гамме и взглянул на нее. Ее лицо представляло собою эллипсоид красной керамики. Верхнюю половину пересекала полоса с четырьмя бирюзовыми глазными линзами. На месте рта находилось вертикальное гнездо. Другие примечательные черты отсутствовали. <У тебя есть данные, куда мы направляемся, или о нашей задаче по прибытии?> спросил я.

<Таких данных у меня нет...> Она замолчала, однако трансляция не окончилась. <Но у меня имеются определенные теории, основанные на распределенной логике.>

<Ты имеешь в виду то, что не благословенные называют догадками?>

<Правильно.>

Мгновение молчания на канале данных. В моих недавно установленных когнитивных имплантатах защелкали колесики. Я бросил взгляд на Завиуса, однако принцепс ничем не выдал, что слушает наши переговоры.

<Вероятность, что принцепс перехватывает эту трансляцию, отсутствует,> заметила Ишта-1-Гамма.

<Почему тебя это тревожит?>

<По тем же причинам, что тебя,> ответила она, <потому что отсутствие данных тревожно.>

<Соглашаюсь. Каковы твои... догадки касательно происходящего?>

<Сначала факты – я последователь божественной искры данных и их передачи. Ты – магос инфоэфирики. Мы оба не с этого мира-кузницы. Ты прибыл 2,45 дня назад. Я прибыла 3,34 дня назад. Мы – чужаки в устройении этого мира.>

<Верховные маги Жао-Аркада могут не располагать доступными ресурсами по этим специальностям,> ответил я. Я видел, как из собранных ею фактов разветвляются вероятные выводы. В моих ментальных буферах усиливались негативные эмоции.

<Или располагают, однако им требуются личности, чье отсутствие останется незамеченным, и не имеющие связей, через которые они могли бы поделиться данными с остальным жречеством этого мира.>

<Существуют иные вероятные причины. Те, что обрисовала ты, имеют логическое обоснование не большее, чем любые другие.>

<Верно.>

Еще одна пауза.

У меня в черепе вращались шестеренки, пока челнок продолжал свой полет. Вход в ближайший кузничный комплекс остался далеко позади. Это была Нулевая зона, регион Жао-Аркада, под зеленым покровом которого не таились наполненные машинами пещеры, лишь огромные охотничьи угодья враждебной биофауны. Мимо проносились серо-черные тучи, и по иллюминаторам и переднему фонарю кабины застучал дождь. С земли вырастали игольные утесы из черной скалы. Потоки воды исхлестывали их склоны, ярко-зеленые или синие от минералов, поднявшихся из-под поверхности.

Признаюсь, в мои мысли закралась тревога. Возможно, это были просто догадки Ишты-1-Гаммы. Возможно, дело было в зеленой глуши под нами, лишенной силуэтов машин и зданий. Возможно, из-за того, что впервые в жизни я оказался далеко от всего, что знал прежде.

<Иницированы протоколы посадочного захода,> передал сервитор-пилот челнока. Секундой позже я засек изменение в давлении воздуха. Я взглянул в иллюминатор, ожидая увидеть посадочную площадку, вырастающую из джунглей, но там не было ничего, кроме горной гряды. Свет начал меркнуть.

Челнок продолжал терять высоту. Я взглянул на Ишту-1-Гамму, однако ее ноосферная аура повторяла шаблон нулевых значений данных. Я перевел взгляд обратно. Горные кряжи были теперь достаточно близко, чтобы заполнить собой весь обзор – перед нами протянулась черная стена. Челнок начал дрожать.

Завиус поднялся на ноги, лицо не отображало никаких эмоциональных маркеров. Он прошел в заднюю часть отсека, без труда балансируя в трясущемся самолете. Я почувствовал, как по челноку прошелся луч высокомоощного ауспика.

<Передаю коды доступа,> транслировал сервитор-пилот. <Ожидание...>

Прошли секунды. Челнок летел к склону горы.

<Доступ разрешен. Иницирован протокол посадки. Хвала бдительности машины.>

Вой двигателей челнока перерос в крик. Горные кряжи были настолько близко, что я видел, как огни фонаря отражаются от влажной скалы. Я почувствовал, как на мысли опустилась холодная заслонка, когда активировались эмоциональные буферы.

Включились маневровые двигатели. Челнок развернулся и устремился вертикально вниз. И без того слабеющий свет исчез вовсе. Мои глаза на краткий миг заметили окружение. Мы ныряли

в искусственную шахту...

Пробуренные мелтой стены...

Диаметр: 33,43 метра...

Огневые платформы расположены с промежутками в 50 метров...

Маневровые двигатели челнока заработали на пределе мощности. Мы замерли, с фюзеляжа стекала влага. Завиус все еще стоял перед задней аппарелью. Я увидел за фонарем мигающие во тьме огни. Секунду мы покачивались на месте, зависнув в замерзающем воздухе, окруженные туманом от струй из наших маневровых двигателей. Затем мы приземлились на посадочную площадку. Двигатели челнока начали замедляться, а задняя аппарель – опускаться.

- Следуйте за мной, - произнес Завиус, оглянувшись на нас, прежде чем первым сойти по аппарели. Я взглянул на Ишту-1-Гамму.

<Похоже, он откинул протоколы этикета...> передал я.

- Следуйте за мной, - раздался повторный приказ из люка.

<И он намерен воспользоваться этой свободой,> послала она в ответ, поднимаясь со своего места и направляясь к аппарели. Я отметил, что ее ноосферный нимб сжался, превратившись в монохромную сферу основных идентификационных данных. Телесным эквивалентом этому могло бы быть доселе выразительное лицо, ставшее вдруг неподвижным и сосредоточенным.

<Тебя тревожит текущая ситуация?> последовав за ней, спросил я.

<А тебя нет?> ответила она.

Нам навстречу повернулись установленные на стенах орудия, ведя нас, пока мы спускались к посадочной платформе. Нас взяли на прицел мультиспектральные системы наведения. Шахту закрыл диафрагменный люк. Как только мы достигли конца аппарели, направляющие огни вокруг посадочной платформы погасли. Мое зрение сместилось в инфракрасный диапазон спектра. Температура была на 8,72 градуса ниже нуля. Жар от двигателей уже рассеивался. Над поверхностью температура обычно была на 34 градуса выше точки замерзания, но тут влага в воздухе, исходящая из отсека челнока, оседала изморозью.

Нас ожидала рослая фигура, закутанная в сплетенную из графитной и карбоновой нити мантию. У нее было четыре верхние конечности. Пальцы каждой из них покоились на набалдашниках хромированных тростей. Голова располагалась высоко над сгорбленными плечами. Та часть тела, что у не благословленного человека должна была быть лицом, представляла собою скопление вращающихся шестерней. На левой половине лица находился единственный фиолетовый глаз. По одной только аугментации я определил, что передо мной старший представитель машинного жречества. Если так, то мне следовало бы проявить уважение и официально его поприветствовать. Я этого не сделал. Магос, как и Завиус, не передал ноосферных данных, и не издал приветственного сигнала. И все же я мог, по крайней мере, поклониться, но Ишта-1-Гамма осталась неподвижной, поэтому я последовал ее примеру.

- Ишта-1-Гамма... - сказала ожидавшая фигура. Она выдохнула и зашипела через голосовой динамик. - Главиус-4-Ро... Вы оба подчинитесь обрядам инфоанализа. Отказ предоставить доступ к приборам и хранилищам данных повлечет за собой немедленное окончание жизни и

изъятие благословленных машиной компонентов ваших тел.

- Ты не идентифицировал себя, - произнесла Ишта-1-Гамма. Ее физический голос эхом разнесся в холодной тьме. Согбенный магос повернул голову к Завиусу, затем обратно к нам.

- Моя идентификация не требуется, - ответил он. - Вы подчинитесь, либо случатся оглашенные последствия.

- Но после нашего подчинения, - сказала она, - ты скажешь нам, кто ты такой.

Пауза. На краю моего зрения шел отсчет секунд. Я осознал, что в меня целятся настенные орудия. Я ощущал дрожь энергии, накопленной в их зарядных катушках.

- Ваше подчинение, - повторил согбенный магос. - Сейчас.

<Полагаю, мы расширили параметры этого обмена до границ разумного,> передала Ишта-1-Гамма, а затем сказала вслух. - Подчинение.

Ее ноосферная аура распустилась, и спустя 0,67 секунды я почувствовал, как в мои собственные системы проникли инфозонды. На это ушло всего 0,33 секунды, однако у меня осталось ощущение игл и острых краев.

- Все так, как указывалось, - сказал магос в сером, уже направляясь к выходу с платформы. Я мельком увидел сотни ног-клинков, движущихся под полами его мантии, когда тот заскользил от нас прочь. Огни высветили дверь в стене, и участок камня скользнул назад, открыв за собой проход. Я последовал было за ним, однако Ишта-1-Гамма не сдвинулась с места.

- Кто ты? - спросила она. Согбенный магос остановился и оглянулся.

- Можете использовать обозначение Атропос, - сказал магос, после чего вновь заскользил к двери впереди. Я взглянул на Ишту-1-Гамму. Та передала не поддающийся расшифровке шквал кода, который органически можно было бы интерпретировать как пожимание плечами, и мы последовали за Атропосом в коридор.

Прошло еще 3,67 часа, прежде чем мы увидели причину, по которой нас привезли в подземный мир Жао-Аркада. Я использую термин «подземный мир» намеренно и с осознанием его метафорического значения и смысла. Пещеры под горами были отдельным миром. Тишина наполняла пустые пространства, в их тенях скрывались невидимые наблюдатели. Мы почти не встречали других представителей жречества. Те, с кем мы сталкивались по пути, не приветствовали нас и, не останавливаясь, проходили мимо. Сервиторы, которых мы видели, работали в собственном замкнутом цикле, их сочленения были настолько хорошо отлажены и благословлены маслами, что не издавали ни единого звука. На каждом устройстве я подмечал сигнальные и интерфейсные кодовые замки – без ключа для их открытия подсоединиться к духам машины или внутренним системам не представлялось возможным.

<Здесь нет общей ноосферной сети,> заметила Ишта-1-Гамма спустя час пути.

<Возможно, она экранирована от нашего восприятия,> предположил я.

<Отрицательно,> ответила она. <Я иницирована в пятнадцатый круг мистерий передачи - я смогла бы обнаружить наличие ноосферы, даже скрытой. Здесь нет ничего. Каждый механизм в этом месте закрыт и закольцован на себе самом.>

<За исключением нас двоих,> отметил я.

<Пока что,> сказала она, после чего погрузилась в молчание. Ей ничуть не удалось рассеять тревогу, усиливающуюся в моих эмоциональных буферах.

Чем дальше мы шли, тем слабее становилось освещение в переходах. Люмосферы и полосы угасали из белой голубизны до мерцающей тусклости. Холодало. Мои сенсоры обнаружили, что не только тепло покидало воздух – то же происходило с несколькими другими формами излучения. Мои конденсаторы постепенно теряли заряд. Казалось, нечто за стенами перехода поглощает всю энергию, словно рот, засасывающий в себя тепло и свет.

Мы миновали множество дверей, некоторые достаточно широкие для больших машин или техники, другие настолько маленькие, что войти в них смогли бы разве что сервачерепа или насекомообразные сервиторы. Все двери были заперты, и магос Атропос с принцем Завиусом не задерживались ни у одной из них.

- По какой причине мы тут? – спросил я, когда последний закрытый проход остался позади. С момента прибытия я задал этот вопрос пятью разными способами, и не получил ответа. Я испытал удивление, когда Атропос заговорил.

- Вы здесь для того, чтобы пробудить давно спящую машину, - сказал он.

- Какой вид машины? – поинтересовался я.

- Я не могу вам сказать, - произнес Атропос.

- Укрывать данные означает снижать вероятность успеха. – Я уловил резкость в своей отповеди. Моя эмоциональная тревога просачивалась сквозь стены заточения.

Атропос остановился перед круглой дверью в стене. Магос медленно протянул одну из тростей и постучал по поверхности двери. Вдоль ее края отодвинулись засовы. Листы металла свернулись в окружающую скалу.

- Я не могу вам сказать, - повторил Атропос после того, как последняя часть двери скользнула в сторону. В открывшемся за ней громадном пространстве замигали далекие огни. – Могу только показать.

Признаюсь, мне не хотелось заходить в ту дверь. Признаюсь, я также хотел увидеть, что находилось в сердце подземного мира. Мы созданы ради поиска знания, поклонения ему и, невзирая на традиции и преклонение марсианского жречества перед известным, гораздо сильнее мы стремимся к непознанному.

Пространство за дверью не было залом – это была пещера. В пустоту протянулась платформа, крепившаяся стене утеса, что только по моим подсчетам возвышался до горных пиков над нами. Куда ни глянь, царил темнота. Я направился к краю платформы, лишь смутно осознавая возле себя Ишту-1-Гамму и следовавших в шаге за мною Атропоса и Завиуса. Воздух был холодным, таким холодным, что на биомониторах, подключенных к моей оставшейся плоти, зажглись предупреждающие сигналы. Глубоко под нами на полу пещеры светились огни. Я шагнул ближе к краю, мои глазные линзы сфокусировались.

- Осторожнее, - произнес Завиус, его дыхание обращалось в воздухе кристаллической пылью. Его плоть вдруг стала выглядеть слишком натянутой и бледной, словно маска, надетая поверх

чего-то не настолько чистого, как машина, или столь податливого, как плоть. – При первом взгляде это может пошатнуть разум.

Я не ответил, но сделал последний шаг и посмотрел вниз.

<Священные масла вращающейся шестерни...> На долю секунды я подумал, что слова могли принадлежать мне. Затем я заметил Ишту-1-Гамму, стоящую у края рядом со мной. <Машина – суть бог...>

Под нами, наполовину погребенный в полу пещеры, был титан. Он лежал, подобно павшему монарху в могиле. Его бока расчистили от мусора. С паутины подвесных мостиков и платформ к нему спускались лестницы. Тело титана освещали прожекторы, омывая резким светом углубления и плиты брони. Если бы он стоял, то его голова располагалась бы на уровне платформы, а наспинные орудия и вовсе возвышались бы над нами. По мостикам передвигались фигуры. Я заметил громадные силовые кабели и машины, о функциях которых знал только в теории, но никогда не видел в деле: гальвано-волновые компрессоры, передаточные макрорегуляторы, трансуроновые наладчики.

- Откуда он здесь взялся...? – ахнула Ишта-1-Гамма.

- Вы пытаетесь... - заявил я, и обернулся к Завиусу с Атропосом. – Вы хотите пробудить его.

- Правильно, - ответил Атропос.

Я повернулся назад к мертвой богومашине. В ней было нечто, от чего мне не хотелось отводить от нее взор. Будто титан мог шевельнуться в момент, когда на него никто не смотрел.

- Но вы хотите пробудить его в тайне... - промолвила Ишта-1-Гамма. Она по-прежнему смотрела на грозную машину. Ее ноосферный нимб померк, петли шаблонов данных трепетали. – Это величественная машина, реликвия давно минувших эпох. То, что она сохранилась – чудо, то, что она сможет ходить снова – истинное диво. Однако вы скрываете ее.

Неужели я заметил подергивание глаз Завиуса и микроскопическое изменение в позе Атропоса?

- Вы тут для исполнения своей функции, - ответил мне Атропос. – В дальнейших разъяснениях нет нужды. – Он развернулся и направился к выходу. – Завиус предоставит данные, релевантные для вашей задачи. Изучите их. Вы будете интегрированы в работу через пять часов.

- И эта работа – пробудить дух титана? – спросил я, выводы и неопределенности все еще вращались на задворках мыслей.

Атропос не замедлился, однако его ровный голос громко разнесся по бескрайнему пространству.

- Он пробудится. Он будет идти.

Первого титана они нарекли Артефакт-ЖА01. Конечно, на самом деле его так не звали. Имена машин отпечатываются на их формах и душах при создании. Это не обозначения. Это нечто большее. Это – выражение истины. У титана было имя, просто мы не знали, какое именно.

Мы спустились к нему спустя пять часов предварительной загрузки данных. Лифт доставил нас к сети мостиков. Я поглотил все данные, что предоставил Завиус. Они были обширными, и мне не единожды пришлось отменять режим усталости, чтобы впитать их полностью. В итоге я узнал, что Артефакт-ЖА01 был боевым титаном, но разновидность конфигурации его систем не соответствовала какому-либо известному их типу либо модели. Его внутренние системы поверглись предварительному изучению, в ходе которых было установлено, что его реакторы и системы передачи данных соответствовали другим механизмам-титанам. По крайней мере, поверхностно.

Подобных сведений и анализов было еще много, однако гораздо большее кричало об их отсутствии. Не было ни упоминаний о проведенных обрядах умиротворения, ни идентификационных кодов адептов, проводивших оценивание. Казалось, будто у титана отсутствовала история свершений до этого самого момента, словно у него не было прошлого.

И вновь меня переполнила незнакомая эмоция, стоило мне ступить на мостик и посмотреть на Артефакт-ЖА01. Под слоем пыли на плитах его брони поблескивал начищенный металл. Я идентифицировал амарантовый цвет, тот, что некоторые называют пурпуром, золотую кайму и участки костяно-белого покрытия. Но на нем отсутствовали повреждения, никаких следов боя, что поверг этого бога. Эта пещера была не могилой, но чем-то иным.

- Тебе нужно двигаться, - раздался голос у меня за спиной. Я развернулся и увидел, как сзади по мостику с трудом плетется фигура в мантии технопровидца, красные одеяния и аугментация скрадывали человеческие очертания. Фигура остановилась, опустила голову и прерывисто поклонилась, что свидетельствовало о плохом сцеплении механизмов и сбоящих сервоприводах. - Приношу извинения, почитаемый магос, я еще не приспособилась к отсутствию ноосферного соединения. Я пробыла тут шесть месяцев, два дня, семнадцать часов, пять минут и две секунды, и по-прежнему отправляю инфоприветствия, которые никто не получает. Личное представление - я технопровидец, обозначенная как Фамус-91.

- Я - магос Главиус-4-Ро, - ответил я. Я знал, что технопровидец, обозначенная как Фамус-91, надзирала за проведением основных операций в зоне раскопок - принцепс Завиус предоставил мне эти данные. - Я запросил непосредственный осмотр Артефакта-ЖА01.

- Я знаю, - сказала Фамус-91. - Я уже была уведомлена о вашем прибытии и пообщалась с магосом Иштой-1-Гаммой.

Фамус-91 выпрямилась, содрогаясь при движении.

- Твои двигательные системы не работают, как полагается? - спросил я.

Она покачала головой. Ее лицо над дыхательной маской покрывали участки черной изморози.

- Я пробыла рядом с ним слишком долго, - ответила она. - Мне следовало вернуться, очиститься и зарядиться, но меня проинформировали о вашем прибытии. Я ждала. Нам нужно идти. Нельзя оставаться на одном месте слишком долго.

- Что ты имеешь в виду, технопровидец?

- Утечка - вы, должно быть, заметили.

- Спад энергии? - поинтересовался я.

- Не только энергии, но энергетического потенциала самых разных видов и спектров - исчезает

все. На это нужно время, но чем ты ближе...

- Ты имеешь в виду Артефакт-ЖА01?

Фамус-91 вздрогнула, и у меня сложилось впечатление, будто она внезапно приложила усилие, чтобы не посмотреть вниз, не посмотреть на лежавшего под нами титана.

- Да, - сказала она, и указала на свечи умиротворения и поклонения, расставленные на мостике. Мимо них шла пара сервиторов, поочередно поджигая каждую запинаящейся струей огня из увенчанных соплами пальцев. Пламя начало меркнуть, не успев даже толком разгореться. - Видишь? Гаснет само священное пламя.

- Этот эффект не может быть соотнесен с артефактом, - заявил я. - Я просмотрел данные, и из них ясно, что ни одна система титана не является активной, а также ясно, что все попытки пробудить их и возжечь двигатели закончились неудачей. Кроме того, среди известных мне систем, связанных с тепловым излучением и передачей энергии, нет такой, что могла бы производить подобного рода эффект.

Фамус-91 со скрежетом кивнула.

- Именно так... - сказала она, и железным пальцем указала на пламя свечи. - И все же... - Огонь съежился у нас на глазах, а затем погас. Я не заметила в воздухе пещеры какого-либо ветра.

- Почему в предоставленных мне данных не было информации об этом феномене? - спросил я. Фамус-91 по-прежнему указывала пальцем и глядела на завиток дыма, поднимающийся от потухшей свечи. Она не произвела никакого действия, которое могло бы указать на получение моего вопроса. - Технопровидец Фамус-91? - задал я вопрос. Она вздрогнула и обернулась ко мне.

- Ты - магос Главиус-4-Ро, - произнесла она. - Прошу принять мои приветствия. Я уже была уведомлена о твоём прибытии и пообщалась с магосом Иштой-1-Гаммой. Она запросила непосредственный осмотр... Артефакта-ЖА01. Если ты желаешь сопровождать ее, тогда следует присоединиться к ней сейчас.

Секунду я пытался обработать случившееся. Логические деревья разветвились, однако не предоставили однозначного вывода. Я переместил неразрешенные вычисления за границу непосредственного внимания.

- Мы продолжим изучение, - сказал я.

Фамус-91 склонила голову. Я отметил, как непроизвольно сжались ее дрожащие пальцы. Она, по всей видимости, не заметила движения.

- Как пожелаешь, - ответила она. - Нам следует идти.

Темнота. Темнота, подобной которой я не знал ни до, ни после. Наш основной источник освещения отключился, едва мы оказались внутри титана. Огни просто погасли, батареи полностью истощились. Красные предупреждения конденсаторов осветили мой визуальный дисплей, когда тот начали затуманивать искажения. Нить ноосферного соединения между мной и Иштой-1-Гаммой пропала. Мы стояли в коридоре, доступ в который производился через плиту, обычно наглухо заклепанную. Прежде чем исчез свет, я заметил увешанную кабелями стену без единого следа пыли и ржавчины. Люк в главный инженерный отсек находился в 2,63

метрах под нами.

- Я рекомендовала бы подключиться к кабелям накопителя, - произнесла Фамус-91. - Возможно, вы захотите перевести доступную энергию на тактильные сенсоры - они более надежные, чем визуальные.

Изолированный кабель соединял нас всех с плазменным реактором снаружи. Я задал вопрос о целесообразности подобных мер. На пиковой нагрузке генератор мог питать весь здешний центр и поддерживать выходную мощность, эквивалентную трем танкам «Гибельный клинок», что было абсолютно излишне для нашей аугментики. Теперь, стоя в кромешной тьме и наблюдая, как мои резервы энергии падают до нуля, мне пришлось признать, что я ошибался.

Я открыл кабельное соединение. Мои системы активировались, но энергия поступала лишь немногим быстрее, чем исчезала. Я переключил глаза на улучшенное инфразрение, и серая статика превратилась в многоцветную картину пятен тепла и энергии. Фамус-91 и Ишта-1-Гамма стали пылающими силуэтами оранжево-красных цветов. Кабели горели белизной от излучения. Все остальное было кромешной, холодной темнотой.

- Нам нужно идти, - сказала Фамус-91. - Основываясь на предыдущих исследованиях, у нас есть приблизительно 15 минут и 21 секунда до того как наш энергетический статус станет неприемлемым. - Технопровидец стала продвигаться к концу коридора. Она опиралась о стены всеми четырьмя конечностями, время от времени замирая, когда ее тело сотрясала дрожь.

Я посмотрел на Ишту-1-Гамму. Без ноосферного нимба она казалась сжавшейся, тенью при тех же формах. Она взглянула на меня в ответ, а затем последовала за технопровидцем.

Фамус-91 достигла люка и открыла его. Пустота внутри круга зияла чернотой. На секунду у меня сложилось впечатление, будто вокруг него начала скручиваться статика, подобно поднятой магнитным полем железной пыли.

<Машина - суть бог...>

Я обернулся к Иште-1-Гамме.

- Ты что-то сказала? - спросил я.

Она непонимающе склонила голову.

- Прости, я не знаю, о чем речь.

- Ты совершила ноосферную передачу...

- Боюсь, ты ошибаешься, - ответила она, и у меня сложилось алогичное впечатление, словно мое заявление вызвало у нее недовольство. - Я пыталась активировать ноосферное соединение с тех пор, как мы вошли внутрь артефакта, и не преуспела.

- Я бы не пыталась этого делать, - отозвалась из люка Фамус-91. Она, содрогаясь, оглянулась на нас. - В смысле, я бы не пробовала получить доступ к ноосфере здесь.

- Почему? - спросила Ишта-1-Гамма. - В протоколах о ходе раскопок не упоминается запрет на ее использование.

Фамус-91 дернулась в сугубо биологическом жесте, который я расценил как пожимание

плечами.

- Лучше не надо, - последовал ответ. – Следуйте, - сказала она и нырнула в люк. Я оглянулся на Ишту-1-Гамму, после чего подчинился.

За люком чернела пустота, ничем не освещаемая и без каких-либо форм излучения, которые смогли бы засечь мои глаза. Были только лучи установленных на нас прожекторов, прорезавшие тьму в краткий миг падения. Я приземлился на заднюю стенку отсека инжиниариума. Ноги магнитно закрепились на металле. Я на мгновение замер. От точки соприкосновения по моим конечностям поднялся холод, да, ощущение холода. Температура воздуха упала еще больше, но это... чувство было чем-то иным. Морозом и... касанием.

- По моим подсчетам у нас осталось двенадцать минут и двадцать одна секунда до полной утраты энергии от кабеля, - произнесла Фамус-91. – Начать возвращение нужно через девять минут. Со всем почтением советую возвышенным магам начать изучение систем реликвии.

- Тогда приступим, - сказала Ишта-1-Гамма.

Прежде я ни разу не бывал внутри священной богомашины. Я имел привилегию изучать чертежи и ритуалы систем, но сейчас впервые чудо святейшего познания стало для меня реальностью. Должен признаться, что шестьдесят семь секунд я просто оглядывал наше окружение.

Изогнутые балки бежали вдоль стен отсека, каждая из них – цельный металлический кристалл. Пучки кабелей и мотки изолированных труб тянулись под решетками и выпадали из отверстий в стальной коже стен и потолка. Помеченные рунами и желто-черными шевронами люки уводили в разных направлениях к нишам сервиторов, что управляли вооружением. В дальнем конце зияли более широкие двери, темнота за ними вела к голове богомашины и трону командира. Я заметил следы поршневых когтей, которыми раздвигали створки – к каждой борозде восковой печатью крепился пергаментный лист, отпечатанные на них строки кода – молитвы убажания души машины за причиненный ей вред.

Я понял, что иду к черному пространству за открытыми дверями. Во тьме что-то дрожало...

Смутное марево...

Ночь за ночью...

Мимо меня протиснулась Ишта-1-Гамма, направляясь к открытым дверям. Я остановился. Из моих резервов и кабеля по-прежнему утекала энергия.

Реактор. Я пришел сюда проверить реактор.

Я перевел внимание на укрепленный люк в полу, что должен был вести к плазменному реактору. С него уже подняли затворы, и плазменная камера была полностью неактивной, однако я все равно начал спускаться во внутреннее пространство с осторожностью. Говорят, что плата за небрежность – смерть и страдания, и я никогда не видел, чтобы случилось иначе.

Я начал с авгуров 1-го порядка и провел диагностический цикл Аклаана. Также я приступил к катаклизмам умиротворения остаточного духа энергии либо заряда, который еще мог оставаться в системах реактора. Вскоре я прервал литанию. Там ничего не было. Никаких ответных сигналов. Никаких энергетических сигнатур любого типа. Он был мертв и холоден, как будто сведение плазмы и электростатики никогда не пело в его сердце.

Я как раз собирался взяться за проверку целостности механизма плазменного возжигания, когда предупреждение в системах визуального анализа заставило меня остановиться. Там были кабели, соединенные и интегрированные в систему помимо тех, которые я рассчитывал увидеть – трубки и изолированные провода тянулись и вились рядом с теми, что значились в чертежах. Сначала я их не заметил, частично из-за того, что не думал на них натолкнуться, а частично потому, что они были не из стандартного материала. Наверное, это была какая-то ошибка, но, судя по показаниям авгура, они были изготовлены из камня или кристалла.

<Машина – суть бог... Машине ведомо все...>

Я заколебался, а затем шагнул вперед, выдвинув из пальца лезвие, чтобы снять изоляцию с одного из кабелей.

- Магос Главиус-4-Ро! – Из инжиниариума донесся крик. Это была Ишта-1-Гамма, ее голос громкий и пронзительный, что свидетельствовало о тревоге.

- Какие-то проблемы? – окликнул я ее, палец-лезвие завис над изоляцией. У меня было непреодолимое желание остаться и дальше смотреть на странные устройства в ядре ходячего бога.

- Иди сюда немедленно! – ответила она. Я опустил руку и выбрался назад в отсек инжиниариума, а после прошел на мостик в голове титана.

Ишта-1-Гамма была там. Как и то, что осталось от Фамус-91. Технопровидец подключилась к устройству мысленного интерфейса за тронем принцепса. Ее труп висел на интерфейсном кабеле, обмякшее сплетение металла и иссохшей плоти. Тело покрывал иней, кристаллики росли прямо у нас на глазах.

- Я вернулась в инжиниариум всего на двадцать секунд... - сказала Ишта-1-Гамма. – Должно быть, она ждала возможности остаться одной...

Я подумал о кабелях из кристалла и камня, вьющихся в реакторном отсеке, о шепоте на ноосферных каналах, об энергии и тепле, утекавших из мира вокруг этой... могилы.

- Нужно уходить, - сказал я, подняв тело Фамус-91 и направляясь к люку наверх. Ишта-1-Гамма последовала за мной. Пока мы выбирались назад на внешнюю обшивку бога, я оглянулся, и на секунду мне показалось, будто из черноты люка на меня глядит лицо. Я стал карабкаться быстрее, больше уже не озираясь.

<Я не намеревалась потревожить твой отдых,> Ноосферный нимб Ишты-1-Гаммы медленно развернулся, когда та вошла в мастерскую.

<Я обрабатывал показания последнего ритуала – ты не потревожила никакого отдыха.>

Она прошла внутрь, когда за нею закрылась дверь. Я наблюдал за Иштой-1-Гаммой, интерпретируя символы на пергаменте, что сыпался из инфокупели. Я увидел, как она взяла с моего третичного рабочего стола инертную плазменную бобину. Не глядя, она принялась крутить ее в руках. Жест не нес в себе никакой функции. Этого хватило, чтобы я прервал работу. Тебе стоит понимать, что среди жречества Марса не бывает ничего, лишнего функции – все является частью машины, а в машине нет такой детали, которая не несли бы какой-то функции.

Я смотрел на нее, пока постукивала инфокупель, а жужжание когитатора и тока энергии переходило из треска в низкий гул. Три секунды спустя она, видимо, поняла, что делала. Ее ноосферный нимб вспыхнул статикой, когда та отставила бобину назад на стол, выпаливая на всех основных частотах гимн-сигнал гармонии.

<Прошу прощения,> сказала она. <Я...>

<Прощение дано,> ответил я. Она переступила с ноги на ногу, окидывая взглядом комнату с опытными образцами, скрепленными печатями и пергаменами умиротворения.

Я ждал.

Она была сама не своя с момента нашей первой экскурсии в Артефакт-ЖА01. Мы представили Атропосу полный отчет о кончине Фамус-91. Старший магос принял данные, однако не стал запрашивать уточнений либо дальнейшего анализа. Невольно я составил список возможных тому причин: старшего магоса не интересовало произошедшее, представленные нами данные не требовали дальнейших уточнений или же в инциденте не было новых для него данных. Последняя вероятность не давала мне покоя. Атропос не запрашивал дальнейшей информации потому, что магос знал, что именно случилось. Такое уже случалось раньше.

Ишта-1-Гамма затребовала большего доступа к данным. Ответ Атропоса был простым. Если мы хотим ответов, пробудите машину. Если мы хотим знаний, пробудите машину. Если мы хотим исполнить свой долг перед Омниссией и познанием, пробудите машину.

Мы возражали, но никто не потребовал, чтобы нас увезли отсюда. Мы остались, и стали работать над тем, что сказал Атропос. Мы работали над пробуждением машины.

Почему? Даже сейчас я не знаю, как ответить или, скорее, я не знаю, есть ли ответ, что удовлетворил бы логику. Мы предпочитаем думать, будто решения рациональны, как оборачивание шестеренок, что, избавляя себя от слабости плоти, мы можем оставить слабость иррационального позади. Но вот вопрос, который никогда не поднимается во всей коде Омниссии – могут ли иррациональные страхи, что пульсируют у нас в крови и бьются в наших сердцах, когда мы просыпаемся среди ночи, быть вовсе не слабостью, но предупреждением, оставленным у края тьмы?

Мы были жрецами машины. Знание священно, и нет ничего превыше знания, потерянного в прошлом. Артефакт... Титан в могиле.... В нем были знания, великие и ужасные знания, ждущие прямо за границей зрения, но достаточно близко, чтобы заполучить их. Возможно, тебе не понять, что это означает, чего это требует от нас. Оно вызывает к истине того, чем мы все являемся. Поэтому мы работали над пробуждением машины – я, чтобы возжечь в ее металле энергию, Ишта-1-Гамма, чтобы позволить человеку взаимодействовать с ее системами. Она работала с сосредоточенностью и усердием, которых доселе я не встречал.

Мы продолжали исследовать артефакт далее, изучать ритуалы из архивов Коллегии Титаники, которые предоставил нам Завиус, и создавать тестовые ритуалы, приносящие в святую теорию гармонию и упорядоченность. Недели, недели и недели холода и безмолвия, недели, быть может, наилучшей работы, частью которой я когда-либо являлся. Мы подходили все ближе к порогу.

<Могу я задать вопрос?> спросила Ишта-1-Гамма спустя двадцать четыре секунды молчания.

<Данная лингвистическая конструкция сама по себе вопрос, поэтому ответ предоставлен самой возможностью задать его.>

Ее аура на секунду расширились, вспыхнув крошечными яркими формулами.

<Это была попытка шутки, магос?>

<Попытка предполагает ее неудачность, поэтому я предпочту сказать, что нет.>

Еще более яркая вспышка, спираль расчетов на канале передачи данных.

<Это была вторая попытка?>

<Нет.>

<Ты лжешь.>

<Это предполагает уровень восприятия и социального суждения, в доступности которого для себя я не уверен.>

Я переместился к третичному рабочему столу, рядом с которым остановилась Ишта-1-Гамма, и передвинул бобину, с которой та забавлялась, на 1,4мм, требовавшихся для того, чтобы она оказалась на положенном месте. <Ты хотела что-то обсудить,> заявил я. <Касательно работы.>

<Есть ли границы у божественного?> спросила она.

<Мне непонятна система твоих ориентиров.>

<Сама природа машины свидетельствует об ее божественности.>

<Это основополагающая истина.>

<Есть ли в ней исключения?>

<Я все еще не прослеживаю логическую цепь в твоих вопросах,> ответил я.

<Артефакт-ЖА01, титан, он божественный или...>

<Это машина неизвестной мощи и типа из далекого прошлого, так какой она еще может быть, если не божественной?> спросил я.

<Гибель Фамус-91 предполагает...>

<Духи великих машин не отличается милосердием.>

<Отсутствие информации по ранее проведенным исследованиям, аномалии – разве это не указывает тебе на то, что артефакт может быть не божественным, но нечестивым?>

По-правде говоря, те же вероятности и вопросы с регулярной частотой поднимались у меня в голове после первой экспедиции в Артефакт-ЖА01. Однако я не мог на их основе выстроить полную и логическую цепь умозаключений.

<Потребность в знании нерушима.>

Она пошарила в мантии и извлекла инфоцилиндр из медного листа – 0,75см в диаметре, 6,6см в высоту. Она поставила его на рабочий стол. Я посмотрел на него.

<Что в нем содержится?> спросил я.

<В ходе подготовки к восстановлению невральнoгo интерфейса с ЖА01 мне удалось получить доступ ко многим системам передачи данных в этом...чем бы ни было это место. Тут сырые выходные данные, которые я обнаружила.>

<Все системы, к которым у меня есть доступ, ограничены текущей информацией, прямо касающейся работы,> ответил я, рассматривая, но не трoгая цилиндр. <Больших данных в наличии нет.>

<Верно, но в фильтрах передачи и ноосферных буферах сохранились фрагменты и отпечатки следов. Инфоджинны, выпущенные зачистить данные, были обстоятельными, однако прошлое нельзя стереть. Призраки остаются.>

Я перевел взгляд обратно на цилиндр, затем взял его.

<О чем говорят эти данные?>

Ишта-1-Гамма передала отрицательный сигнал.

<Я не знаю, совершенно без понятия.>

<Тогда зачем...>

<Я думала, что хочу знать правду,> транслировала она. <Но теперь не уверена. Я не знаю. У меня есть основанное на эмоциях предчувствие, что если я посмотрю на то, что от нас пытались спрятать, то больше не смогу продолжать работу.>

<Единственный способ определить точность твоих слов – это изучить данные,> ответил я.

<Верно. Но пока они еще не изучены, я могу решить проигнорировать их. После того, как они будут изучены...>

<Если позволишь заметить – это не соотносится с тем уровнем протеста и подозрений относительно операции, что ты проявила при нашем знакомстве.>

<Я знаю,> передала она, и умолкла. Канал наполнился информационным безмолвием. <Но ты был там. Эта машина, эта богомашина, она не похожа ни на что. Настоящая технологическая загадка. Она потрясающая. И я боюсь сделать шаг вперед. И я боюсь, что часть меня, та часть, в который таится дух плоти, ищет повод повернуть назад.>

Я обдумал сказанное ею три полных мыслительных цикла. Признаюсь, она высказала вслух страхи, что тревожили и меня самого.

Я поднял инфоцилиндр между нами и раздавил его в пальцах.

<Всякое знание божественно,> передал я. <И всякое знание происходит из неизвестности.>

<Спасибо,> прислала она, после чего отвернулась и оставила меня в тишине своих трудов.

- Инициировать второе воплощение передачи энергии, - промолвил я, и тело богомашины вздрогнуло. Плазменные цилиндры выдвинулись из магнитных оболочек и соединились с топливными трубами вокруг реакторного ядра титана. Я следил за процессом по визуальному

каналу, подключенному к сенсорам в стене реактора. Некоторые представители моего рода не видели смысла в столь непосредственном наблюдении – по их утверждению, данные скажут им все что нужно. Глаз – лишь несовершенный сенсор, и его показания не несут никакой ценности. Но для меня наблюдать подобный момент, каким бы несовершенным не было мое восприятие, было сродни тому, чтобы смотреть в лицо богу.

Раскаленная сырая плазма потекла по трубам и хлынула в реакторное ядро. Магнитные поля поймали, завертели, превратили ее в бурлящий шар слепящего света. Перед глазами затанцевали выходные данные. Реакторное ядро титана без остатка поглотило энергию, но я предвидел такой поворот. В мгновение ока я залил в ядро ввосьмеро большее количество топлива, чем требовалось для его возжигания, больше чем оно сможет впитать до окончания ритуала.

Я стоял в центре отсека инжиниариума Артефакта-ЖА01. Помещение наполнилось мерцающим синим светом, когда релейные люмен-сферы начали включаться и меркнуть одна за другой. Атропос не присоединился к нам персонально, вместо этого следя из марева искажающегося голосвета. В отсеке толпились хоры сервиторов, каждый замотан в несколько слоев теплового и энергетического изоляционного материала.

Пучок кабелей толщиной 41мм, передающий энергию от реакторов снаружи титана, гудел и источал пар в остывающий воздух. Я установил на поочередную работу шесть реакторов уровня «Солекс» – как и люмен-сферы в отсеке, едва в одном иссякала энергия, сразу же включался следующий. Таким образом, каждую секунду мы расходовали чистую энергию, способную питать целую фабрику на протяжении месяца.

Мостик за открытыми дверями в другом конце зала занимала Ишта-1-Гамма вместе со своей когортой сервиторов. Завиус восседал на троне принцепса, облаченный в черный нательник и обвитый интерфейсными кабелями. Шип неврального соединения, что подключит его мозг и тело к титану, находился прямо перед разъемом в основании его черепа. Рука Ишты-1-Гаммы лежала на рычаге, который замкнет цепь, едва в основные системы поступит энергия.

- К включению основного невального интерфейса готова, - объявила Ишта-1-Гамма.

- Плазма в реакторном ядре достигает насыщения, - пробормотал один из сервиторов, подсоединенный к потоковым мониторам.

- Искра для первичного возжигания через три... два... один...

- Душою этой машины и истиной железа, пуск! - промолвил я.

- Подчинение, - пробормотал сервитор.

Молниевое копьё вонзилось в бурлящий шар плазмы, удерживаемый внутри реакторного ядра. Я увидел, как оно попало в цель, увидел, как наружу хлынул свет, ослепительный даже для машинных глаз. Каждый источник освещения в зале взорвался. Из каждой решетки динамика в отсеке взревела статика. Голообраз Атропоса рассеялся.

Затем тишина.

Я стоял во мраке.

А затем я ощутил. Низкая вибрация, пульсирующая сквозь пол, электрическая песнь на пороге слышимости. На панелях доступа загорелись индикаторные огни. Оптический канал с

реактором очистился.

- Во тьму принесен свет, - пропел я. - В кузне зажжен огонь. Колесо крутится.

- Славься машина! - эхом отозвались сервиторы.

Расход энергии замедлялся, падая, пока мощность реактора росла.

<Она более не жаждет, но все еще голодна...>

У меня в голове вспыхнули ноосферные слова. Я вздрогнул.

- Что? - брякнул я.

- К первой фазе неврального соединения готова, - крикнула Ишта-1-Гамма. Принцепс Завиус закрыл глаза.

- Прими этот огонь в свою душу и просветись, - пропел я, отсчитав пять священных секунд и щелкнув переключатели на пульте управления энергией. Плазма из реакторного ядра устремилась по трубам. В холодный металл и кабели потекли жар и энергия. И, на миг, через касание моей руки к ее сердцу, я почувствовал, что дух богомашины пробудился.

Пустота.

Боль и голод эонов.

Крик, что никогда не заканчивался, заключенный внутри металла.

Мое сознание едва не отключилось от его безбрежности, но он был частичным, неполным, половиной души железа. И за тем присутствием, словно тень за спиной у бога, ждала тьма. Тогда я узрел это. Клянусь шестерней и данными, я узрел, что было. Призраки потекли сквозь мои сенсоры и каналы данных, возможно, даже сквозь клетки моего тела. Я узрел, как они движутся через то самое место, где стоял я. Я услышал их голоса из далекого прошлого. Они были там – фигуры в мантиях изумрудного и огненно-оранжевого цветов, и они говорили на языках, что не были языками машин или людей. И на мгновение, на долгое, темное, ужасное мгновение, я узрел, что они содеяли.

Я узрел их сны, грезы не просто объединенных с машинами людей, а машин, превращенных в гробницы для поглощенных ими душ. Я узрел устройства, которые они построили и заковали в сердца тех машин. Я узрел, как эти машины идут, а мертвецы кричат в разумах тех, кто вел их на войну. Я узрел ядро из черного железа, угнездившееся глубоко в корнях машины, спрятанное подальше от глаз, и нити из кристалла и камня, разветвлявшиеся от него к каждой конечности и жиле ходячего бога. И я увидел моменты, и мысли, и сны, хранящиеся в том черном сердце, замершем на тысячелетия, уложенном спать и видеть бесконечные сны под горами.

А затем видение погасло.

- Иницирую первую фазу неврального соединения, - отозвалась Ишта-1-Гамма. - Машине ведомо все.

Я попытался крикнуть, предупредить ее. Из меня вырвался холодный статический шум. Я не мог пошевелиться, и лишь смотрел, как Ишта-1-Гамма дергает рычаг, который вогнал шип

невральное соединение в разъем в основании черепа Завиуса. Думаю, я побежал по отсеку. Думаю, я тянулся к рычагу, чтобы оборвать соединение. Думаю, именно это я и делал... Но не уверен, потому что в тот момент Завиус открыл глаза. Все остановилось. Ничего не двигалось. По силовым кабелям не шла ни энергия, ни искры, на пультах не мерцали огни. Все прочее исчезло. Ишта-1-Гамма, сервиторы, Завиус, все они.

<Где?> голос ворвался в мое соединение с такой силой, что я упал... но вместо того, чтобы упасть, я застыл. Передо мною стояла женщина в нательнике изумрудного и оранжевого цветов. По ней потекли золотые символы, когда она сделала ко мне шаг. У нее была бледная кожа. И еще был иней. Иней на полу и на стенах. Иней полз по моим ногам и мантии. <Где?> повторила женщина. Я стал формировать уточняющий вопрос. Она замерла и вдруг задергалась, форма и образ смазывались, лицо с телом переплавлялись в фигуры, подобно накладывающейся и искажающейся картинке пикт-канала. <Где? Где? Где? Где? Где?>

Слова были рокочущим громом данных, едва не свалившим меня на палубу. Я вскинул руку, чтобы устоять на ногах. Ее вывернула незримая сила. Сервоприводы и узлы лопнули. По нарастающему льду разлетелись шестеренки.

<Сигнал цели отрицательный...>

<Когда...?>

<Я иду, я иду...>

<Где...?>

<Огонь и ночь, и песня ада, какая песнь, услышь ее...>

Черное железо, холодное железо и тень, и дыра в центре всего...

[illegible]

И я кричал, и смазанная фигура подступала все ближе, пока видение изнутри титана гасло и сворачивалось в статическую метель и черноту. Я почувствовала, как меня что-то тянет, что-то похожее на руку.

- Помоги! Главиус, помоги нам! Помоги ему!

И женщина пропала, а я продолжал стоять, пока по стенам змеились синие нити энергии. Завиус содрогался на троне. Его глаза покраснели, зрачки исчезли за кровоизлияниями. Его рот был алым провалом. С разверзнутых в крике губ падали кусочки зубов и языка. От невральной связи поднимался дым. Кожа на его голове обугливалась и отслаивалась, кость под ней уже почернела. Мозг Завиуса варился внутри черепа. Ишта-1-Гамма пыталась выдернуть кабель у него из головы. Я увидел, как раскались и плавились от жара ее металлические пальцы.

- Отключи подачу энергии! – заорала она. Я развернулся и кинулся к пульту управления реактором. Я все еще мог наблюдать за реакторным ядром по удаленным пикт-каналам. Вращающийся шар энергии искажался, ярко пылая и покрываясь черными прожилками. Я приступил к ритуалу аварийного отключения, рывком опустив рычаги. Зажглись багровые предупредительные индикаторы.

- Не слушается! – крикнул я. Мощность реактора подскочила. Мне в руки через пульт хлестнул разряд энергии. Я отлетел назад и врезался в стену отсека. В сознании завопили сигналы повреждений и системных сбоев. По лицу Завиуса пополз иней. Ишта-1-Гамма отпрянула назад, ее руки дымились и пылали от жара. Вокруг нас трещали и сотрясались кости титана.

- Невральное соединение отменяет все мои команды, - отозвалась Ишта-1-Гамма. – Его нужно выключить изнутри.

Она пыталась поднять один из вспомогательных кабелей мысленного интерфейса, ее поврежденные руки то и дело выпускали его. В воздухе клубился валящий от Завиуса дым. Ишта-1-Гамма, наконец, ухватилась за интерфейсный кабель. С ее головы упал капюшон, и я увидел, что та представляла собою цельную конструкцию из полированной меди и хрома. От основания ее черепа до лба тянулись гнезда под кабели. На мгновение она замерла, кабель находился вровень с ее лицом. В тот момент я понял, что она намеревалась сделать.

- Нет! – закричал я и, пытаясь подняться на ноги, потянулся к ней. Корпус титана содрогнулся, и сидевший на троне Завиус выгнулся дугой. Его металл пылал жаром под невозможной ледяной коркой. – Нет!

Однако Ишта-1-Гамма воткнула кабель в разъем на лбу. Секунду она оставалась неподвижной, застывшей. Ее прошила молния. Металл стал жидкостью. Керамика стала пылью. А тело ее стало тенью, отпечатавшейся во вспышке дезинтеграции.

Затем Артефакт-ЖА01, титан, тысячелетия спавший во тьме, закричал.

Громыхнули боевые сирены. Из каждой решетки динамика выплеснулся гулкий крик. Из вентиляции хлынули потоки пара. Я почувствовал, как задрожал отсек, когда бог начал вставать. Затем, со звуком, похожим на лавину из механизмов, он рухнул назад. Огни на пультах угасли. Потом ударная волна от падения титана повалила меня назад на решетку. Мое сознание померкло, и меня накрыла тьма.

- Нас постигла неудача, - произнес я. – Его нельзя пробудить. Его не следует пробуждать.

Атропос склонил голову под сплетенным из углеродной нити капюшоном. Линзы переключились с зеленого на холодно-синий свет. Ответа не последовало.

Я проснулся в комнате без каких-либо машин, и благословенной лишь светом убранных в решетки люмен-сфер. Повреждения физических компонентов были устранены. Хронометрические устройства указывали на то, что я пробыл без сознания 105 часов. Когда я пришел в себя, Атропос был в комнате.

- Вы знаете, что они такое, - заявил я. – Ишта-1-Гамма обнаружила остатки записей, сохранившихся в когитаторых ситах. – Я извлек на свет расплюснутую капсулу, которую носил с собою в мантии. – Она хотела верить, что у вашей... что у нашей работы была цель. Некое высшее просвещение, которым руководствовались наши действия.... Она подсоединилась к машине, дабы не позволить ей пробудиться полностью. Это был единственный способ. Если бы

мы знали, если бы она знала...

- Твой вклад в предприятие более не требуется, - ответил Атропос. - За труд и прилежность, проявленные тобою до сего момента, наказания не последует. Перед отбытием ты подвергнешься тотальному стиранию данных.

Атропос развернулся и заскользил прочь.

- Но я буду помнить, - отозвался я, и даже сейчас меня поражают эмоции в тех моих словах, человечность, как ты бы могла выразиться.

Атропос полуобернулся.

- Призраки, скрытые в плоти - не истина. Данные - вот истина. И лишь истина будет услышана. Можешь оставить себе свои воспоминания, Главиус-4-Ро.

Я покинул центр спустя четыре часа и сорок пять секунд. Обряды, очистившие мои хранилища данных и записи с сенсоров, провели три раза. Я отбыл ни с чем. Челнок доставил меня не в одну из кузниц-храмов, но на корабль на орбите с приказом прибыть в кузни Келио 4 уже в ранге магоса-максимы. Я больше ни с кем никогда не делился об увиденном.

- Ты потом узнавал, что с ними случилось - с титанами, с центром? - спросила Северита.

Главиус-4-Ро настроил ручку регулятора на пульте управления. С вершины рабочего места развернулся манипулятор из хрома. Он опустил на стол крошечную шестеренку из серого полированного металла.

- Почему ты хочешь знать? - спросил он.

Северита одарила его долгим, не моргающим взглядом.

- Полагаю, я могу сказать, когда история поведана не до конца, - ответила она. Он ничего не сказал, но ввел код и увидел, как пальцы манипулятора сомкнулись на шестеренке. От проектора к детали устремился лазерный луч толщиной с волос. В воздух поднялся маленький завиток дыма, когда луч приступил к выточке.

- Истина - это данные, - не отрываясь от работы, сказал он. - Могут ли истории быть истиной?

- Истина - больше чем данные, - ответила ему Северита, - а истории - больше чем истина.

Техножрец выключил манипулятор, убрал шестеренку и повернулся к мечу, лежавшему на металлической плите рабочего стола. Вынутые из него детали выстроились мерцающими рядами рядом с ремонтируемым клинком.

- Я не знаю, что случилось с центром, - наконец, произнес он. - Но... - он заколебался, а затем продолжил. - Есть один сон. Я не видел снов с тех пор как стал техножрецом. Вряд ли моя когнитивная аугментация допускает их. Но пока я не отбыл, и еще иногда после, меня посещал сон... В этом сне я стою на платформе в пещере под горой на Жао-Аркаде. Я один. В пещере, помимо люмен-сфер на платформе, темно. За ее краем, куда ни взгляни, простирается мгла. Я подхожу к краю платформы и гляжу вниз...

- И что-то движется. Что-то огромное вздымается, вырисовываясь во мраке. Я не могу шелохнуться. Я ничего не слышу. Тишина поглощает любые крики. Вровень с платформой

возникает гигантская металлическая голова. С нее сыпется пыль. Ее глаза – холодный огонь. Я смотрю в них и слышу голос. Ее голос, Ишты-1-Гаммы, эхом разносящийся внутри меня.

<Машина – суть вечность,> говорит она. Затем голова вместе с телом под ней отворачиваются, свет ее глаз озаряет тьму, и я вижу, что лежит в глубине пещеры... Колоссальные металлические фигуры, полупогребенные под обломками и серой пылью... одиннадцать... пятнадцать... восемнадцать... двадцать семь... тридцать три... и больше. Легион, дремлющий во мгле. <Спящая машина пробудится,> произносит голос, и на этом сон заканчивается, но когда он возвращается, мне всегда кажется, будто от сна пробуждается очередной металлический бог.

- И ты слышишь ее голос? – переспросила Северита. – Другого магоса, это всегда она?

- Всегда, - подтвердил Главиус-4-Ро.

Он повернулся к Северите, держа в руках ее меч. Тот был полностью собран. Лезвие сияло синевой и серебром в свете плазменной горелки, пылающей на рабочем столе. Все щербины и повреждения исчезли. Генератор силового поля в основании лезвия поблескивал священными маслами.

- Держи, - сказал техножрец. – Он вновь совершенен.

Она приняла оружие и пробормотала молитву, прежде чем вложить его в ножны.

- Благодарю. – Она начала было отворачиваться, однако заколебалась. – За это и за твой рассказ.

Мгновение Главиус-4-Ро оставался неподвижным, а затем склонил голову и отвернулся обратно к своему оборудованию.

Глоссарий:

Penitent Cycles of Terra – «Покаянные Циклы Терры»

Zhao-Arkkad – Жао-Аркад

Demi-flux Governors – Регуляторы Демиистечения

Glaucou – Глаукон

Jeddev – Жеддев

Zavius – Завиус

Ishta-1-Gamma – Ишта-1-Гамма

Hermetrix – герметрисса

Dataetherica – инфозэфирика

Nul Zone – Нулевая зона

Atropos – Атропос

Artefact-ZA01 – Артефакт-ЖА01

Thamus-91 – Фамус-91

Aclaan diagnostic sequence – диагностический цикл Аклаана

Solex grade reactor – реактор уровня «Солекс»

Kelio 4 – Келио 4

Magos-Maxima – магос-максима

<http://tl.rulate.ru/book/30591/667467>